

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Кульпина Александра Викторовна

**История понятий «звук», «речь» и «музыка» в
интеллектуальной культуре XI–XIII веков (по материалам
деривационных словарей)**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история Средних веков)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре истории Средних веков исторического
факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель — *Воскобойников Олег Сергеевич, кандидат исторических наук*

Официальные оппоненты — *Кудрявцев Олег Федорович, доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД РФ), профессор кафедры всемирной и отечественной истории*

Юсим Марк Аркадьевич, доктор исторических наук, ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук» (ИВИ РАН), главный научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени

Протопопова Ирина Александровна, кандидат культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Историко-архивный институт, старший научный сотрудник кафедры источниковедения

Защита диссертации состоится « ___ » _____ 2019 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.04 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/182954952/>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Звуковые практики и представления о звуке, характерные для средневековой Европы, не просто выявить и идентифицировать в сохранившихся источниках. В сочинениях средневековых авторов (будь то музыкальный трактат, богословское толкование или исторический нарратив) рассуждения о звуке, как правило, включены в более широкий контекст. При этом очевидно, что звуки всегда составляли часть человеческого опыта и в различных формах пронизывали его повседневный быт, искусство, социальную, политическую, религиозную, интеллектуальную жизнь¹. Церковная музыка стала предметом споров и государственного регулирования (в качестве примера можно привести реформу богослужбного пения папы Григория I², организацию певческих школ Карлом Великим и правовые установления немецких городов XIII–XVI вв., регламентировавшие ремесло светских музыкантов и городские шумы³). Средневековье – эпоха стремительного усложнения музыкальной теории и практики⁴, исток европейской академической традиции классической музыки

¹ *Ihde D.* Listening and Voice: Phenomenologies of Sound. 2nd ed. NY, 2007. P. 3–17; *Pinch T., Bijsterveld K.* New Keys to the World of Sound // *Pinch T., Bijsterveld K.* The Oxford Handbook of Sound Studies. NY, 2012. P. 4–6, 14–20; *Sterne J.* The Audible Past: Cultural Origins of Sound Reproduction. Durham, 2003. P. 1–30, 87–89.

² См. напр. разделы «Между Востоком и Западом: возникновение двух традиций и «Европа романская, готическая и григорианская» здесь: Исторический атлас средневековой музыки / Под. ред. В. Минаци, Ч. Руини. М., 2016. С. 32–75, 76–139; также см. труды классика музыкальной медиэвистики Мишеля Югло: *Huglo M.* Chant grégorien et musique médiévale. Aldershot, 2005; *Idem.* Les tonaires: inventaires, analyse, comparaison. Paris, 1971.

³ См. напр.: *Мозер Г.И.* Музыка средневекового города. Л., 1927; *Минаци В.* Колокольный звон в пространстве Средневековья // Исторический атлас ... С. 214–217.

⁴ Cf.: *Hope R.C.* Medieval Music: A Historical Sketch. London, 1899; *Grout D.J.* A History of Western Music. NY, 1973; *Yudkin J.* Music in Medieval Europe. Englewood Cliffs, N.J., 1989.

(т.н. «опус-музыка»⁵). Преобладавшая в средневековой культуре вплоть до XII в. «вокальность» (*vocalité*⁶) и ее влияние на поэтику составили объект изучения крупных исследователей прошлого века⁷. Известно, что пространство средневекового города служило сценой для разнообразных индивидуальных и коллективных звуковых актов⁸, будь то выступление бродячих музыкантов или музыка во дворце⁹, торжественный въезд монарха, день памяти святого покровителя города или постановка библейской мистерии¹⁰.

Актуальность темы исследования. В настоящем диссертационном сочинении рассматриваются понятия, фундаментальные для изучения звуковой

⁵ Название «опус-музыка» подчеркивает ориентированность представителей данной традиции на создание уникального авторского произведения. Европейскую традицию профессиональной композиторской музыки принято отсчитывать с XI в. (см. напр.: *Grier J. Musical World of a Medieval Monk: Adémar de Chabannes in Eleventh-Century Aquitaine*. Cambridge, 2006). Опус-музыка представляет собой «историческую цепь композиторских новаций, через переосмысление канонов преобразовавшуюся в систему взаимосвязанных норм». Цит. по: *Чердниченко Т.В. Музыка в истории культуры*. Вып. 1–2. Долгопрудный, 1994. С. 116–119.

⁶ *Zumthor P. Essai de poétique médiévale*. Paris, 1972. P. 238.

⁷ Cf.: *Storia della lettura nel mondo Occidentale / A cura di G. Cavallo, R. Chartier*. Roma–Bari, 1995; *Zumthor P. La lettre et la voix: De la “littérature” médiévale*. Paris, 1987. О роли устной речи в музыкальном образовании Средневековья см. Напр.: *Treitler L. Oral, Written, and Literate Process in the Transmission of Medieval Music // Speculum*. 1981. Vol. 56. № 3. P. 471–491; *Idem. Reading and Singing: On the Genesis of Occidental Music-Writing // Early Music History*. 1984. Vol. 4. P. 135–208.

⁸ Cf.: *Raum und Raumvorstellung im Mittelalter / Hrsg. J.A. Aertsen, A. Speer*. Berlin, 1988; *Романчук А.В. Театрализация политической и общественной жизни в итальянской живописи второй половины XIV века // Театр и театральность в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина*. М., 2005. С. 65–70.

⁹ Cf.: *Gallo F.A. Music in the Castle: Troubadours, Books, and Orators in Italian Courts of the Thirteenth, Fourteenth, and Fifteenth Centuries*. Chicago, 1995.

¹⁰ См.: *Брагина Л.М. Постановка мистерий религиозными братствами во Флоренции XV в. // Театр ... М., 2005. С. 28–34.*

культуры¹¹: звук, речь и музыка. Задача выявить, реконструировать содержание данных понятий и определить их место в интеллектуальном контексте эпохи представляется актуальной для исторической науки, поскольку за последние десятилетия произошло значительное накопление знаний в области музыкальной медиевистики. Однако проведенные в этот период исследования посвящены преимущественно частным аспектам теории и практики. Интеграция звукового феномена в ряд художественных достижений эпохи и, тем более, в средневековую жизнь в целом на данный момент вызывает значительные трудности у музыковедения¹². Кроме того, место и значение звука в жизни средневековой Европы до настоящего момента не становилось предметом отдельного монографического медиевистического исследования¹³.

¹¹ Звуковая культура включает в себя комплекс представлений, концепций и практик, характеризующих роль звука в человеческой культуре и обществе. Сюда входят практики слушания, создания и использования звуков в художественной, политической и общественной сфере, особенности бытования устной культуры, естественнонаучные и философские теории звука, звуковые (в частности, музыкальные) метафоры, техники записи звука, использующиеся для его обозначения знаковые системы, сочинения по теории музыки и музыкальное наследие изучаемой эпохи. В ряде современных исследований, посвященных характерным историческим познавательным и онтологическим установкам, в рамках которых формируется та или иная звуковая культура, предлагается использовать концептуальный термин «акустема» (акустемологические установки, акустическая эпистема) для обозначения когнитивных культурных процессов в сфере восприятия и использования звука, обусловленных конкретным историческим периодом. Термин не следует путать с термином из области когнитивной лингвистики, обозначающим звуковой образ языковой единицы или ее фрагмента в языковом сознании. Cf.: *Feld S. Acoustemology // Keywords in Sound / Ed. D. Novak, M. Sakakeeny. Durham, London, 2015. P. 12–21; Ihde D. Op. cit. P. 57–60; Pinch T., Bijsterveld K. The Oxford Handbook ... NY, 2012.*

¹² *Минаци В. Предисловие // Исторический атлас С. 7.*

¹³ Современные исследователи уделяют наибольшее внимание западной звуковой культуре периода модерна, например: *Szendy P. Écoute. Une histoire de nos oreilles. Paris, 2001; Thompson E. The Soundscape of Modernity: Architectural Acoustics and the Culture of Listening in America, 1900–1933. Cambridge, 2002; Auditory Culture Reader / Ed. M. Bull, L. Back. Oxford, 2003; Hearing Cultures. Essays on Sound, Listening and Modernity / Ed. V. Erlemann. Oxford, NY, 2004;*

Объектом исследования является содержание деривационных словарей — особого вида лексикографических сочинений, создававшихся в Италии XI–XIII вв. Это первая разновидность средневекового словаря, претендующая на полноту описания актуального лексического состава языка и универсальный энциклопедический характер определений. Предисловия сочинений лексикографов и ряд особенностей структурирования словарного материала (системы сокращений, референтные ссылки) отражают авторское стремление к комплексному и непротиворечивому изложению знания. Основу интеллектуальной культуры того или иного исторического периода составляют не «абстрактные идеи, а совокупный ментальный и вербальный фонд того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации»¹⁴. Результаты анализа содержания, структуры, предназначения данного источника позволяют охарактеризовать его достаточно полным и репрезентативным относительно «ментального и вербального фонда» интересующей нас эпохи.

Предмет исследования составляет отразившаяся в словарях история понятий «звук», «речь» и «музыка»: их содержание, изменения и взаимодействие в интеллектуальной культуре средневековой Европы.

Очерченное таким образом поле исследования позволяет реконструировать характерные представления о звуке и попробовать выявить общие умственные установки («категории мышления»¹⁵, «бессознательные ментальные привычки»¹⁶),

Feiereisen F., Merley Hill A. Germany in the Loud Twentieth Century: An Introduction. NY, 2012. Монографий, посвященных более ранним периодам, заметно меньше, что обусловлено в первую очередь источниковой ситуацией, а также внутренними особенностями звуковой культуры. Cf.: *Picker J.M. Victorian Soundscapes. NY, 2003; Smith B.R. The Acoustic World of Early Modern England: Attending to the O-Factor. Chicago, London, 1999; Hearing the City in Early Modern Europe / Ed. T. Knighton, A. Mazuela-Anguita. Turnhout, 2018.*

¹⁴ *Ретина Л.П.* Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 22. С. 8.

¹⁵ «Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают

обеспечивающие систематичность этих представлений. Таким образом, **цель диссертационного исследования** заключается в реконструкции содержания, соотношения и семантических трансформаций понятий «звук», «речь» и «музыка», характерных для интеллектуальной культуры Высокого Средневековья, и в выявлении места данных понятий в общем историко-культурном контексте эпохи.

Для достижения намеченной цели потребовалось решить ряд **исследовательских задач**:

1) рассмотреть цели создания, отличительные особенности содержания и структуры деривационных словарей; разработать методику анализа этой разновидности исторического источника;

2) определить интеллектуальный дискурс, в котором существовали понятия «звук», «речь», «музыка»; выяснить функции понятий в этом дискурсе;

3) определить лексику, ассоциированную с указанными понятиями, выяснить семантику лексем;

4) проанализировать данные понятия в рамках общей истории (в культурных, интеллектуальных, философских и пр. контекстах, в которых складывалась и развивалась определенная система представлений о звуке).

Отмеченные исследовательские задачи обусловили структуру диссертационного исследования, о которой будет сказано далее.

действительность и строят образ мира, существующий в их сознании». *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 30–31.

¹⁶ Разновидность «элементов», которые исследует история идей: «имплицитные или не полностью эксплицитные предпочтения, более или менее бессознательные ментальные привычки, оказывающие общее воздействие на мысль индивида или поколения. Это убеждения, представляющиеся настолько само собой разумеющимися, что они скорее молчаливо подразумеваются, нежели формулируются или обосновываются; способ мышления, кажущийся настолько естественным и неизбежным, что не требует обоснования в глазах логического самосознания – а это зачастую оказывает на философскую доктрину самое решающее воздействие, и всегда влияло на доминирующие интеллектуальные тенденции той или иной эпохи». *Лавджой А.* Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001. С. 12.

Источниковая база исследования.

Системы специальных обозначений, которые в современной практике используются для описания звука (нотация, музыкальная терминология), как и связанные с ними естественнонаучные представления в Средние века находились в процессе становления, и комплексное изучение звуковой культуры того периода требует обращения к широкому кругу источников, созданных в ученой среде этого времени, чтобы выявить внутренние механизмы образования специальных понятий и терминов. Одновременно с этим исторические источники сохранили немало прямых и косвенных свидетельств насыщенной звуковой культуры этой эпохи (от вещественных источников, например, находок в области музыкальной археологии¹⁷, до источников изобразительных, например, визуальных образов пародийных животных-музыкантов, популярного сюжета маргинальных миниатюр).

Большая часть использованных в диссертации письменных источников написана на латыни – языке интеллектуальной культуры средневековой Европы.

Основными источниками исследования являются латинские деривационные словари, разновидность средневекового латинского монолингвального словаря. Статьи деривационного словаря предназначены для объяснения латинских слов и представления общих сведений о стоящих за ними явлениях. Дефиниция обычно включает в себя объяснение значений, грамматическую справку, сведения о происхождении слова, примеры его употребления. Вероятно, данный тип словарей возникает на основе традиции устных школьных упражнений, заключающихся в объяснении значения и грамматических характеристик слова на основании словообразовательного анализа. Этот способ рассуждений средневековые лексикографы называют «деривационной наукой» (*disciplina derivationis*) и берут за основу структуры

¹⁷ Cf.: *Sachs C.* The History of Musical Instruments. NY, 1968; *Campbell M., Greated C., Myers A.* Musical Instruments: History, Technology, and Performance of Instruments of Western Music. NY, 2004.

словарей, объединяя в семейства лексемы, произошедшие от одного «корневого» слова, определяющего их семантические характеристики.

В качестве основных источников исследования используются четыре генетически взаимосвязанных деривационных словаря, возникших в период с XI по XIII вв. в Центральной Италии: «Основа первоначальной учености» Папия Ломбардского (ок. 1041–1053 г.), «Деривации» Угуччо Пизанского (ок. 1150–1160 г.), «Сумма дериваций» Гвальтьеро д'Асколи (ок. 1229–1130 г.) «Католикон» Иоанна Генуэзского (1286 г.).

Необходимость определить место понятий «звук», «речь» и «музыка» в общем интеллектуальном контексте эпохи обусловила привлечение **дополнительных источников** – музыкальных трактатов раннего и высокого Средневековья, а также некоторых философских, богословских и энциклопедических сочинений этого периода. Наиболее обширную группу составили музыкально-теоретические тексты, главным среди которых является трактат Боэция «Основы музыки» (ок. 500–510 гг.).

Хронологические рамки исследования соответствуют периоду появления, наиболее активного развития и использования деривационных словарей. Нижняя граница соответствует времени создания первого источника, словаря Папия Ломбардского – 1040–1050-е гг. В качестве верхней границы выбран 1286 г. – дата завершения последнего деривационного словаря, «Католикона» Иоанна Генуэзского.

Данные временные рамки логичны и обоснованы как в контексте развития музыкальных теорий и практик Средневековья, так и в контексте истории средневековых учений о речи и вербальном знаке. Интеллектуалы этой поры – не только писатели, но, что особенно важно, преподаватели¹⁸ – стремились систематизировать знания и представить их в виде единой структуры, причем цель энциклопедистов состояла в том, чтобы излагать сложные учения простым

¹⁸ *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003. С. 8–14.

языком¹⁹. Деривационные словари создавались современниками спора об универсалиях и спекулятивной грамматики, что позволяет рассматривать период XI–XIII вв. в качестве самостоятельного этапа в истории философии языка. Судьбоносные для европейской музыкальной традиции реформы Гвидо Аретинского²⁰ и создание первого деривационного словаря разделяет четверть века; спустя тот же срок после завершения последнего словаря, «Католикона», появляется трактат Филиппа де Витри²¹ «Новое искусство» (*Ars nova*, ок. 1320 г.) – символ нового этапа в развитии системы музыкального знания и практик.

В географические рамки исследования включены в первую очередь крупные города Северной и Центральной Италии, где были созданы деривационные словари и их первые копии (Болонья, Пиза, Флоренция и др.), а также вся территория средневековой латиноязычной учености, Западная Европа, где за указанный период распространились копии деривационных словарей.

Методическая и методологическая основа диссертации отвечает поставленной цели и задачам исследования. Ее основу составили

¹⁹Воскобойников О.С. Ресторо д'Ареццо: художник и энциклопедист XIII века // Новое литературное обозрение. 2018. Т. 6. № 154. С. 131.

²⁰ Гвидо Аретинский (ок. 950 – ок. 1050) – итальянский монах-бенедиктинец, музыкальный теоретик и педагог, один из важнейших реформаторов европейской музыкальной традиции. Начал использовать шестиступенный звукоряд с неизменным соотношением интервалов, изобрел слоговые обозначения ступеней звукоряда и ввел в употребление 4-линейный нотный стан. В результате нововведений Гвидо Аретинского европейские музыканты получили возможность точно фиксировать музыкальный текст. Следствием этого было быстрое развитие и усложнение музыкальной теории и практики; профессионализация занятий, в том числе появление профессиональных светских музыкантов; формирование композиторского самосознания и т.д.

²¹ Филипп де Витри (1291–1361) – французский католический епископ, композитор и теоретик музыки. Подробно описал и усовершенствовал мензуральную нотацию, введя дополнительные обозначения для мелких длительностей. Цикл мотетов де Витри из «Романа о Фовеле» (расширенная рукопись 1316–1317 гг.) и его трактат «Новое искусство» (1320) считаются началом *Арс нова* – времени трансформации ритмических и композиционных техник, глубинной перестройки отношений между нотным и вербальным текстом.

общеисторические и специальные междисциплинарные подходы, что было обусловлено особенностями избранной темы и источниковой базы, таким как неоднородность жанровой специфики данных текстов.

В основу работы лег принцип историзма, предполагающий рассмотрение элементов средневековой интеллектуальной культуры в динамике ее развития, выявление предпосылок и причин формирования смыслового поля понятий «звук», «речь» и «музыка», детальный анализ процесса их становления и изменения в связи с историко-культурным контекстом.

Поскольку главная цель данного диссертационного исследования заключается в комплексной реконструкции средневековых представлений о звуке, в качестве ведущего был использован системный метод исследования, позволяющий установить границы содержания указанных понятий и смысловые отношения между ними. Для того чтобы выделить общие характеристики указанных понятий и проанализировать особенности их использования в конкретных текстах, был использован историко-сравнительный метод, а именно метод синтетического сравнения. Специфика структурирования знания в таком источнике как деривационный словарь обусловила необходимость использования общих логических и эвристических методов анализа.

В представленной диссертационной работе предпринята попытка моделирования отраженной в источниках системы знаний и представлений о звуке. Учитывается как социокультурный контекст изучаемого явления, так и его динамика. Поставленная цель предполагает осуществление как синхронного, так и диахронного анализа: нам необходимо изучить и описать содержание понятий «звук», «речь» и «музыка», а также рассмотреть процесс их формирования и эволюции с течением времени²². Для того, чтобы обеспечить более глубокое понимание содержания данных понятий и проследить за возможной скрытой историей семантических трансформаций, важность которых для исторического

²² Как отмечает Л.П. Репина, при исследовании интеллектуальной культуры синхронический и диахронический подходы «не только не исключают друг друга, но могут с успехом применяться как взаимодополнительные». *Репина Л.П.* Указ. соч. С. 9.

исследования отмечал уже Марк Блок²³, требовалось рассмотреть употребление тематических лексем в различных контекстах.

Поскольку объект нашего внимания тесно связан с историей языковых, семиотических и эстетических концепций, важную роль в работе играет привлечение методов смежных дисциплин: лингвистики, семиотики, искусствознания. Из лингвистических методов исследования была использована трехчастная схема анализа исторического содержания лексических комплексов²⁴.

Важное значение для данной работы имел особый подход к определению объекта изучения, реализуемый современным направлением звуковых исследований (*Sound Studies*), в рамках которого изучается весь комплекс связанных со звуком или его образом практик, идей и представлений. Выработанная оптика позволила комплексно взглянуть на средневековое понимание звука, речи и музыки и обозначить наиболее важные для интеллектуала XI – XIII вв. вопросы о звуке из области музыкальной философии, грамматических учений и семиотических теорий Средневековья.

Степень изученности проблемы. Характер темы исследования и особенности источников обусловили необходимость двухчастного историографического очерка, включающего изложение истории исследования деривационных словарей, а также анализ изучения звуковой культуры Средневековья историками и искусствоведами.

Изучение латинской лексикографической традиции начинается в XIX в. с работ филологов-классиков Г. Геца и Г. Лева, У. Линдсея. До 30-х годов XX в. ученые видели в средневековых словарях лишь пример «испорченной»,

²³ «Любой важный термин, любой характерный оборот становятся подлинными элементами нашего познания лишь тогда, когда они сопоставлены с их окружением, снова помещены в обиход своей эпохи, среды или автора, а главное, – ограждены – если они долго просуществовали – от всегда имеющейся опасности неправильного, анахронистического истолкования». Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986. С. 95.

²⁴ Подробнее о структуре и применении аналитического метода социокультурной теории лексических комплексов см.: Глебкин В.В. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. М., 2012. С. 176–178.

несовершенной средневековой латыни. Благодаря итальянским исследователям (В. Росси²⁵, А. Маринони²⁶) деривационные словари были выделены в отдельную лексикографическую традицию и начинают рассматривать как воплощение уникального авторского замысла, богатый и репрезентативный источник по истории средневековой интеллектуальной культуры.

Во второй половине XX в. изучением объяснительных моделей средневековой лексикографии занимается Джузеппе Кремасколи²⁷. Сборники дериваций как прообраз словарей национальных языков рассматривает Ж. Маторе²⁸. Лексикографические сочинения Античности и Средневековья изучаются в рамках истории образования²⁹. Для анализа понятийного инструментария источников потребовалось обратиться к исследованиям О. Вейерс в области истории терминов ученой культуры Высокого Средневековья³⁰. Отдельная монография, посвященная деривационным словарям, еще не написана.

Изучая западноевропейское песенное и танцевальное фольклорное наследие, а с середины века также и неевропейские традиционные музыкальные культуры, этномузыкологи XIX в. продемонстрировали несостоятельность европоцентричной идеи музыки и отказались от спекулятивных оценок и

²⁵ Rossi V. Per un'edizione delle Magnae Derivationes di Ugucione da Pisa // Atti del III Congresso Nazionale di studi romani / A cura di C. Galassi Paluzzi. Vol. II. Bologna, 1935. P. 42–43.

²⁶ Marinoni A. Du glossaire au dictionnaire // *Quadrivium*. 1968. № IX. P. V–XLI.

²⁷ Cremascoli G. La coscienza letteraria del lessicografo mediolatino // *Studi medievali*. Fasc. II. 2002. P. 791–803; *Idem*. Saggi di lessicografia mediolatina. Spoleto, 2011.

²⁸ Matoré G. Le vocabulaire et la société médiévale. Paris, 1985.

²⁹ См. напр.: *Les manuscrits des lexiques et glossaries de l'Antiquité tardive à la fin du Moyen Âge* / Éd. J. Hamesse. Louvain-La-Neuve, 1996; *Glossaires et lexiques médiévaux inédits. Actes du Colloque de Paris (7 mai 2010)* / Ed. J. Hamesse, J. Meirinhos. Porto, 2011.

³⁰ Weijers O. Lexicography in the Middle Ages // *Viator*. 1989. № 20. P. 139–153; *Idem*. Vocabulaire des écoles et des méthodes d'enseignement au moyen âge. Actes du colloque, Rome 21–22 octobre 1989 / Éd. O. Weijers. Turnhout, 1992; *Idem*. Vocabulary of Teaching and Research Between Middle Ages and Renaissance. Proceedings of the Colloquium. London, Warburg Institute, 11–12 March 1994 / Ed. O. Weijers. Turnhout, 1995.

сопоставлений различных музыкальных культур. В последней четверти XIX в. ими был сформулирован тезис о том, что звуковые представления и практики обладают культурно-исторической спецификой и должны изучаться с учетом исторического и социального контекста³¹. Характерное для историков эпохи романтизма стремление к изучению локальных национальных традиций в сочетании с общественно-политическими причинами популярности музыкальных произведений (таких как роль опер Вагнера в создании образа немецкого национального прошлого) также способствовало формированию представления о своеобразии звуковой картины ушедших столетий. Тогда же зарождается концепция аутентичного, или исторически достоверного, исполнения старинной музыки.

В XX в. всесторонняя реконструкция музыкальных представлений и практик Средневековья, эпохи Возрождения и Барокко, на протяжении нескольких веков оставленных в силу изменчивой музыкальной моды и формирования стандартов классицизма, превращается в центральную задачу музыкальной медиевистики³². Средневековая эстетика музыкального творчества становится предметом изучения историков философии, средневековые представления о физической природе звука входят в исследовательское поле историков научной мысли³³. Однако интерес ученых был главным образом

³¹ *Chrysander F. Über die altindische Opfermusik // Vierteljahrsschrift für Musikwissenschaft / Hrsg. F. Chrysander, P. Spitta. Leipzig, 1885. Erster Jahrgang. S. 21–34; Ellis A.J. On the Musical Scales of Various Nations // Journal of the Society of Arts. 1885. Vol. 33. P. 485–527.*

³² Достаточно упомянуть главный проект Центра истории музыкальной теории и литературы Университета Индианы – *Thesaurus Musicarum Latinarum*, электронное собрание текстов сотен латиноязычных музыкально-теоретических трактатов III – VII вв. (<http://www.chmtl.indiana.edu/tml/index.html> (дата обращения 13.06.2018) или превращение сторонников аутентичного, или «исторически информированного», исполнения старинной музыки из оппонентов академической музыки в создателей новых академических подходов.

³³ *Гайденко В.П., Смирнов В.А. Западноевропейская наука в средние века: Общие принципы и учение о движении. М.: Наука, 1989: Burnett Ch. Sound in the Middle Ages // The Second Sense.*

направлен на музыкальные теории и образы, т.е. специальное знание, и «очевидные» базовые представления о звуке исследователи с большой вероятностью имманентно проецировали на объект рассмотрения.

В последней трети XX столетия история идей пережила значительную трансформацию. В результате т.н. «культурного поворота» к концу века ключевой методологической предпосылкой данных направлений стало осознание неразрывной связи между историей идей и историей всей совокупности социальных условий интеллектуальной деятельности³⁴. В последней четверти XX в. из отдельных работ в области музыкальной этнологии вырастают уже упомянутые выше звуковые исследования (*Sound Studies*). Принципиальная новизна и междисциплинарный научный потенциал данного подхода позволяют говорить о «звуковом повороте» (*sonic turn*) в современных науках о культуре³⁵. В методологическом отношении исследователи звука соединяют подходы из области исторической семантики, истории идей, обращаются к арсеналу культурной антропологии, не ограничиваясь гуманитарными подходами и привлекая физику, психологию, нейролингвистику и пр. Одно из ключевых понятий *Sound Studies*, «историческая акустема», используется для обозначения характерного для конкретного культурно-исторического периода комплекса знаний и представлений о звуке, его происхождении, видах и способах использования³⁶. Для изучения звуковой культуры западноевропейского Средневековья данный подход еще не применялся.

Hearing and Musical Judgement from Antiquity to the Seventeenth Century / Ed. C. Burnett, M. Fend, P. Gouk. London, 1991. P. 43–71.

³⁴ Репина Л.П. Интеллектуальная культура ... С. 5–9.

³⁵ См. напр.: *Drobnick J. Listening Awry // Aural Cultures / Ed. J. Drobnick. Toronto, 2004. P. 9–10; Doshi N. Absent Performances: Distant Fieldwork on Social Movement Theatre of Algeria and India // Theorizing Fieldwork in the Humanities: Methods, Reflections, and Approaches to the Global South / Ed. Sh. Puri, D.A. Castillo. NY, 2016. P. 121; Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017. С. 196, 436–437.*

³⁶ *Feld S. Op. cit. P. 12–21; Хельмрайх Ш. Звуковые ландшафты с эффектом погружения и трансдукция как альтернатива / Пер. Т. Пирусской // Новое литературное обозрение. 2018. № 6.*

Научная новизна. Представленный анализ источниковой базы и историографической ситуации позволяет утверждать, что настоящее диссертационное сочинение впервые рассматривает знания, накопленные музыкальной медиевистикой, историей философии и лингвистических учений в отношении средневековых представлений о звуке, в широкий контекст исследования интеллектуальной истории Средневековья. Сформулированная нами тема до сих пор не получила систематического и целостного освещения в исторической науке. Данная работа является первой в отечественной и зарубежной медиевистике попыткой комплексного исследования содержания, истории и места указанных понятий в европейской интеллектуальной истории XI – XIII вв.

В представленной диссертационной работе значительное внимание уделено методологическим принципам решения поставленных задач, в том числе и применению специфических подходов звуковых исследований, что значительно расширяет методологический репертуар современной медиевистики .

В настоящем диссертационном сочинении в отечественную медиевистику вводится новый тип источников. Деривационные словари до сих пор никогда комплексно не изучались историками культуры или общества, будучи предметом лишь филолого-лингвистического анализа. В настоящий момент как в русскоязычной, так и в зарубежной медиевистике не так много специальных работ, посвященных развитию средневековых лексикографических текстов. Существующие исследования посвящены анализу либо отдельно взятой рукописи, либо отдельным характеристикам словаря (к примеру, труды Л. Хольца³⁷, Дж. Кремасколи³⁸, А. Мариго³⁹). Особенности выбранного

URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/6/zvukovye-landshafty-s-effektom-pogruzheniya-i-transdukcija-kak--pr.html> (дата обращения: 20.06.2018).

³⁷ *Holtz L.* Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. Étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe-IXe siècle) et édition critique. Paris, 1981; Idem. Glossaires et grammaire dans l'Antiquité // Les manuscrits des lexiques et glossaires de l'Antiquité tardive à la fin du Moyen Âge / Éd. J. Hamesse. Louvain-La-Neuve, 1996. P. 1–21.

источника, нового для историко-культурологических исследований, обеспечивают возможность комплексной реконструкции представлений о звуке на основании исходя из содержания и возможных трансформаций понятий «звук», «речь» и «музыка» в средневековых словарях.

В данном исследовании использованы неизданные рукописи и редкие инкунабулы (в том числе одна из трех рукописных копий редчайшего словаря Гвалтьеро д'Асколи (Ms. 449 из Библиотеки Лана)) и приведено значительное количество авторских транскрипций латинского текста, который не был транскрибирован и переведен в науку прежде, что также усиливает научную новизну представленной диссертации.

Теоретическая значимость данной работы состоит в том, что в ней представлена комплексная характеристика типичных для образованного европейца Высокого Средневековья представлений о звуке, речи и музыке. В диссертации проанализирован и описан деривационный словарь как исторический источник, разработана и реализована стратегия использования данного источника в рамках историко-культурного исследования, выявлены основные области употребления понятий «звук», «речь» и «музыка» в средневековой интеллектуальной культуре и проанализировано их историческое употребление в данном контексте.

Практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке как общих курсов по истории средневековой культуры, так и специальных курсов по темам, связанным с

³⁸ *Cremaşcoli G.* Termini del diritto longobardo nelle "Derivationes" e il presunto vocabolario latino-germanico di Ugucione da Pisa // *Aevum.* 1966. P. 53–74; *Idem.* Ricerche sul lessicografo Papia // *Aevum.* 1969. № 43. P. 31–55; *Idem.* Tra I "mostra" della lessicografia medievale // *La critica del testo medielatino. Atti del Convegno (Firenze, 6–8 dicembre 1990) / A cura di C. Leonardi.* Spoleto, 1994. P. 203–214.

³⁹ *Marigo A.* Soggia d'inventario bibliographico con appendice su codici del "Catholicon" di Giovanni da Genova. Dissertazione. Roma, 1936.

историей культуры, интеллектуальной историей, историей понятий, исторической лексикографией, музыкальной медиевистикой.

Исследовательские подходы, примененные в диссертации, могут быть использованы при работе со средневековыми источниками различных типов в рамках исследования звукового мышления, звуковых образов и истории музыкальных терминов.

Степень достоверности и обоснованности диссертационного исследования высока благодаря привлечению широкого круга разноплановых источников, ряд из которых впервые вводится в научный оборот. Автором был проведен глубокий анализ архивных документов, критически осмыслен обширный пласт фактологического материала, содержащегося в первоисточниках и исторической литературе по теме диссертации.

Апробация исследования. Основные положения представленного диссертационного исследования изложены в публикациях диссертантки, опубликованных в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03 – Всеобщая история. Общий объем публикаций по теме – 2,6 а.л.

Результаты представленных исследований прошли апробацию в выступлениях с докладами на следующих научных семинарах, всероссийских и международных научных конференциях:

- Шестая Московская международная Платоновская конференция, РГГУ, 31 октября 2018 г. Тема доклада: Кто такой Платон? Ответы из Высокого Средневековья.
- Девятая международная конференция по исторической лексикологии и лексикографии Международного Общества Исторической Лексикологии и Лексикографии (ISHLL) «From Glosses to Dictionaries», ISHLL – Università Degli Studi Di Genova, 20–22 июня 2018 г., Генуя. Тема доклада: Noises, voices, signs: lexicological approach to medieval sound studies.
- Девятая международная научная конференция «Романские языки и культуры: от античности до современности», МГУ им. М.В. Ломоносова, 30

ноября – 1 декабря 2017 г., Москва. Тема доклада: Деривационный словарь XI–XIV вв. как этап развития латинской лексикографии: особенности структуры и содержания.

- Международная научная конференция «Мысль о музыке в авраамической традиции», ГИИ – Еврейский музей & Центр толерантности - Центр восточной литературы РГБ – научно-образовательная программа «Эшколот», 7–9 ноября 2017 г., Москва. Тема доклада: Звуки и музыка в Библии: средневековое прочтение (на материале латинских деривационных словарей Высокого Средневековья).
- Междисциплинарный научный семинар «Мысль о музыке в авраамических традициях», Государственный Институт Искусствознания, 25 октября 2017 г., Москва. Тема доклада: Космос как звучащая структура в сочинения раннего Средневековья (IV–IX вв.).
- Круглый стол «Мужские и женские голоса в истории Средневековья и Нового времени», ИВИ РАН, 7 июня 2017 г., Москва. Тема доклада: Как звучит голос лжеца? Сюжет из средневековых словарей.
- Международная научная конференция «Язык и пространство этнокультурного диалога», СПбГУ, 22–24 марта 2017 г., Санкт-Петербург. Тема доклада: Роль средневековых словарей в формировании национальных языков.

Работа была обсуждена на заседании кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и получила рекомендацию к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Положения, выносимые на защиту:

1. Деривационные словари XI–XIII вв. – первые в средневековой лексикографии сочинения, призванные дать структурированное описание всего массива латинской лексики, разъяснить значения слов и отразить смысловые связи между ними, отразили стремление средневековых интеллектуалов к систематизации понятий и терминов, необходимых для

изучения свободных искусств, права и богословия, а также для описания реалий обыденной жизни. Последовательная систематизация понятий и лексики, связанных с описаниями звука (в т.ч. речевых и музыкальных явлений) заслужила специальное внимание лексикографов и нашла отражение в иных учебно-энциклопедических сочинениях данного периода помимо словарей.

2. Содержание понятий «звук», «речь» и «музыка», отраженное в деривационных словарях, соотносится с интеллектуальным, культурным и философским контекстом эпохи и позволяет охарактеризовать средневековые представления о звуке как единую в смысловом и лексическом отношении систему. Входящие в нее представления о разновидностях звуков, их источниках и качествах оказывали прямое влияние на способы концептуализации звука в ученой культуре XI – XIII вв. (в первую очередь в теории музыки, теории языкового знака, толкованиях библейского текста).
3. При описании явлений и терминов, связанных с понятиями «звук», «речь» и «музыка», лексикографы высокого Средневековья наиболее часто и последовательно обращаются к вопросу о дискретности звука. К дискретным звукам относили артикулированные, т.е. разделенные, голосовые звуки, а также звуки голоса и музыкальных инструментов, высоту которых можно точно установить.
4. Лексикографы XI–XIII вв. уделяют особое внимание категории акустической дискретности в статьях, касающихся природы и функций звукового речевого знака. Философский дискурс этого периода в значительной мере определяли вопросы о природе знака и языка (примерами могут служить спор об универсалиях и спекулятивная грамматика модистов). Авторы словарей рассматривают дискретный звук как единственно пригодный для осуществления осознанной звуковой деятельности, а именно устной коммуникации и музицирования. По их мнению, превращение дискретного голосового звука в конкретный

фрагмент звуковой структуры осуществляется благодаря человеческому *ratio* – разуму, способности к дискурсивному мышлению. Примером актуальности и характерности таких представлений для своего времени служит трактат Данте «О народном красноречии».

5. Описания сознательных звуковых актов в деривационных словарях обнаруживают сходство представлений авторов о речи и о музыке как формах организации звукового материала. Вместе с примерами заимствований терминологии из грамматических сочинений в музыкальной теории Средневековья это позволяет утверждать, что для интеллектуальной культуры XI – XIII вв. было свойственно представление о музыке как о своего рода тексте и о музицировании как о форме коммуникации соответственно.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы. В соответствии с обозначенными целью и задачами исследования диссертационная работа структурирована по тематическому принципу. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списков источников и использованной литературы.

Во Введении сформулированы цели и задачи исследования, а также принятую в нем методологию анализа. Значительные по объему параграфы посвящены обзору источниковой базы исследования (которая была тщательно классифицирована) и научной литературы, в которой затрагивалась тема представленного диссертационного исследования или вопросы, с ней в разной степени связанные.

Источниковедческая часть содержит общую внешнюю и внутреннюю критику источников и основных особенностей их содержания; детальный разбор складывания деривационного словаря как специфического жанра, педагогических приемов лексикографов и способов чтения учебного текста такого рода вынесен в отдельную главу. Далее характеризуются основные вехи развития и ключевые

темы существующих исследований, разделенных на две больших группы: научные работы, посвященные средневековой лексикографии, в частности деривационным словарям, и научные работы, посвященные средневековой звуковой, в т.ч. музыкальной, культуре.

Первая глава, «Деривационный словарь как исторический источник», Основная задача данной главы состоит в том, чтобы понять, какую именно историко-культурную информацию мы можем из получить из деривационных словарей, какие вопросы задавать резонно, какие – бессмысленно. Отсюда круг знаний средневековых лексикографов, цели создания словарей и сфера их применения, предмет и методика деривационного рассуждения, требования к содержанию статей и, наконец, философские предпосылки работы лексикографов составляют предмет рассмотрения данной главы.

В первом разделе рассмотрены общие особенности, конституирующие деривационный словарь как самостоятельный лексикографический жанр, и проанализированы перспективы использования словаря в качестве исторического источника. Во втором разделе рассмотрены основные источники сведений и научных концепций, на которых основывались лексикографы XI–XIII вв. К ним относятся грамматические трактаты поздней Античности. Третий раздел посвящен характеристике популярных средневековых концепций языка и анализу соотношения деривационного анализа с данным контекстом. В четвертом разделе рассмотрены методы объяснения слов, основанные на этимологическом и деривационном анализе и особенности описания этих методов лексикографами. Пятый раздел посвящен последовательному рассмотрению способов организации словарного материала в источниках: визуально-графической, логической и структурной. В шестом разделе рассмотрены причины и цели создания деривационных словарей, о которых мы можем судить в первую очередь на основании пространных авторских предисловий к словарям. Седьмой раздел освещает общую модель деривационного объяснения; показано, что авторы словарей стремились к энциклопедической полноте толкований. В главе делается вывод о том, что средневековый деривационный словарь отличает стремление

лексикографов к подробности и полноте толкований, высокий уровень авторской рефлексии относительно лексической и семантической непротиворечивости сведений, постепенно усложнявшийся справочный аппарат и стремление авторов актуализировать лексикон и дефиниции. Углубление связи содержания разных статей, в первую очередь систематизация перекрестных ссылок, сделали расположение лексемы в теле словаря частью толкования. Лексикографы считали, что происхождение и история слова позволяют прояснить «онтологическую» суть объекта или субъекта. Следует отметить, что деривационные словари открывают большие возможности для дальнейшего изучения представлений их авторов и читателей о звуке, речи и музыке, а также иных понятий, входящих в интеллектуальную орбиту свободных искусств.

Вторая глава, «Общие представления о звуке и звуковых актах» посвящена отраженным в словарях базовым представлениям о том, что такое звук и каковы его разновидности. Проведен анализ общих критериев оценки и характеристики звуков авторам словарей, также рассмотрено, с какими культурными и бытовыми реалиями, с какими философскими, научными, теологическими концепциями ассоциировано понятие «звук».

В первом разделе рассмотрены толкования базовых лексем *vox* и *sonus*, их семантическое наполнение и связь с культурными и интеллектуальными контекстами эпохи. Второй раздел посвящен описаниям физической природы звука в словарях, в первую очередь, описаниям механизма образования звука в человеческом теле. В третьем разделе проводится анализ и классификация характеристик звуков, использующихся в словарных описаниях. В главе делается вывод о том, что отправной точкой для отраженного в деривационных словарях содержания понятий «звук», «речь» и «музыка» служат грамматические, музыкально-теоретические и философские сочинения Поздней Античности. Однако это не мертвое знание, механически переходящее из компиляции в компиляцию, а живой, подвергающийся обязательной актуализации, а иногда и структурным изменениям комплекс представлений о звуке, его свойствах, функциях и семантике.

Образ звука в средневековых словарях и музыкальных трактатах складывается из описаний его качеств. Набор этих качеств устойчив и тематически, и лексически, что обеспечивает высокую взаимную корреляцию значений лексем, употребленных в разных словарях. Опираясь на общий круг преимущественно античных и раннесредневековых сочинений, средневековые итальянские лексикографы уточняли и дополняли составленные их предшественниками толкования; разъясняли соотношение понятий путем включения одного термина в текст толкования другого; реализовали общую систематизированную теорию звука и его проявлениях в форме речи и музыки. Категории базовых характеристик звука напрямую влияли на структуру знаний о нем.

Третья глава, «Речь как звуковая деятельность», посвящена представлениям лексикографов о речи как о звуковой деятельности, средневековой теории звукового знака и описаниям невербальных акустических знаков в деривационных словарях.

В первом разделе рассмотрена классификация звуков голоса на артикулированные и неартикулированные. На ее основании лексикографы выносят суждение о пригодности таких звуков к участию в речевой деятельности. Второй раздел главы посвящен теории звукового знака, отраженной в источниках, и ее положению в контексте средневековых семиотических представлений. Рассмотрены условия, необходимые, на взгляд лексикографов, для создания и использования речевого знака. В третьем разделе приведены и проанализированы мнения средневековых авторов относительно наличия речевой деятельности у животных. Концепты, описывающие отношения звукового и письменного знака в языке, а также их сопоставление с популярным в конце изучаемого периода теориями модистов, составляют предмет изучения четвертого раздела главы. В пятом разделе проанализированы описания невербальных звуковых (голосовых) актов, приведенные в словарях. Сделан вывод о том, что главная характеристика, от которой зависела возможность выполнения звуком каких-либо функций, – это его дискретность. В теории звукового речевого знака это свойство выражается

парой характеристик «членораздельный – нечленораздельный» (*articulata / non articulata, confusa*). Наделять дискретные звуки значением, превращая их в речевые знаки, могут лишь существа, обладающие *ratio* – способностью к разумному рассуждению, дискурсивному мышлению. Помимо человека на сознательную звуковую деятельность способны Бог и ангелы – практически осмысляя этот тезис, средневековое мышление интегрирует образ части материальной реальности, звука, в описания высших сил: в тексте источников встречаются предположения об акустической природе обращенного к человеку Гласа Божьего, а образы музицирующих ангелов нередко появляются на полях рукописей и в росписях храмов.

Четвертая глава, «Музыка и ее значения», посвящена исследованию еще одного фундаментального «звукового» понятия – *musica*. В процессе анализа описания связанных со звуком образов, приведенные лексикографами, сопоставляются со словарными описаниями звука в контексте музыкальных практик.

В первом разделе рассмотрен общий контекст развития музыкальной теории средневекового Запада, особое внимание уделяется формированию ее терминологического аппарата. Во втором разделе рассмотрены представления о происхождении, или, как часто называют его средневековые авторы, «изобретении» музыкального искусства. Третий раздел посвящен описанным в словарях классификациям музыки, разнообразие которых позволяет лексикографам охватить все дискурсивное богатство толкований термина. Четвертый раздел освещает представления о практических и теоретических определениях содержания музыкальной дисциплины и их соотношении в словарях. Пятый раздел содержит анализ представлений об организации музыкального звука. Ключевыми для данного вопроса оказываются толкования термина «модуляция», одного из фундаментальных концептов средневековой музыкальной теории. В шестом разделе рассмотрены трактовки понятий «созвучность» и «гармония», их эстетические и философские коннотации, в том числе контекст существования идеи «музыки сфер». Глава завершается

следующими выводами. В музыкальной науке категория дискретности реализуется через звуковысотную точность (пара «высокий – низкий», *acutus – gravis*). Представление о музыкальной гармонии, образующейся вследствие правильного сочетания дискретных звуков, служит образцом для понимания всякой гармонии и порядка в целом, и толкование музыкальных терминов с легкостью превращается в словарях в метафорическое описание принципов устройства макрокосма. Терминология и философские принципы, заключенные в этом описании, начиная с сочинения Угуччо Пизанского сближаются с содержанием идеи мировой гармонии в сочинениях философов-неоплатоников конца XI – XII вв.

Пятая глава, «Звучание музыкальных инструментов», посвящена описаниям музыкальных и шумовых инструментов, встречающимся в деривационных словарях. Произведен анализ того, как соотносятся характеристики звучания инструмента и его использования.

Первый раздел имеет справочный характер и посвящен общим особенностям инструментоведческих описаний и возникающим при этом трудностям. Во втором разделе изложены основные вехи развития мысли о музыкальных инструментах и указаны ее ключевые темы. В третьем разделе проанализированы представления о музыкальном инструменте и изобретателях первых инструментов. Четвертый раздел содержит анализ описаний струнных инструментов, в частности, сопоставлены описания кифары и псалтерия, в течение долгого времени представлявших символическую оппозицию в сочинениях раннехристианских и средневековых авторов. Пятый раздел посвящен рассмотрению духовых инструментов, проведено сопоставление описаний функций сигнальных и музыкальных представителей данной инструментальной группы. В шестом разделе исследуются статьи, посвященные ударным и перкуссионным инструментам. Глава завершается выводом о том, что характеристики звучания инструмента становятся для лексикографов главным объяснением его практического назначения – сигнального или музыкального использования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном диссертационном сочинении предпринято исследование представлений о звуке и основных видах звуковой деятельности – речи и музыке, – характерных для итальянской интеллектуальной культуры XI – XIII вв. Звуковые практики и теории этого периода отличались возрастающим разнообразием, и для ее осмысления требовался развитый лексико-понятийный аппарат. Такой аппарат нашел отражение в текстах учебных и энциклопедических сочинений того времени, в частности, в словарях и музыкально-теоретических трактатах.

Лексикографы XI–XIII вв. избрали деривационный анализ в качестве наиболее универсального метода интеллектуальной работы, чтобы сконструировать нормативное универсальное комплексное знание – фундамент латинской учености. Деривационный словарь отразил взаимодействие «энциклопедического» знания и жизненных реалий в уме средневекового интеллектуала. Особенности устройства и предназначения таких словарей позволяют изучить не только историю отдельных идей и терминов, характерных для средневековой европейской науки, но и содержание «общих» понятий, выявить историческую специфику средневековых представлений о различных аспектах человеческого существования. Представленное диссертационное исследование посвящено изучению одного из таких базовых аспектов – отношениям средневекового человека со звуком. Рассмотрение деривационных словарей позволило проследить историю ключевых понятий, которые использовались в указанный период для описания и осмысления звука и звуковых феноменов, и интерпретировать культурно-исторические особенности средневековых представлений о звуке, опираясь на употребление рассматриваемых понятий в других ученых сочинениях данного периода.

Отправной точкой для отраженного в деривационных словарях содержания понятий «звук», «речь» и «музыка» служили грамматические, музыкально-теоретические и философские сочинения Поздней Античности. Это было не

мертвое знание, механически переходящее из компиляции в компиляцию, а живой, подвергающийся обязательной актуализации, а иногда и структурным изменениям комплекс представлений о звуке, его свойствах, функциях и семантике.

Образ звука в средневековых словарях и музыкальных трактатах складывается из описаний его качеств. Набор этих качеств устойчив и тематически, и лексически, что обеспечивает высокую взаимную корреляцию значений лексем, употребленных в разных словарях. Опираясь на общий круг преимущественно античных и раннесредневековых сочинений, средневековые итальянские лексикографы уточняли и дополняли составленные их предшественниками толкования; разъясняли соотношение понятий путем включения одного термина в контекст толкования другого; реализовали общую систематизированную теорию звука и его проявлениях в форме речи и музыки. Категории базовых характеристик звука напрямую влияли на структуру знаний о нем.

Главная характеристика, от которой зависела возможность выполнения звуком каких-либо функций, – это его дискретность. В теории звукового речевого знака это свойство выражается парой характеристик «членораздельный – нечленораздельный» (*articulata / non articulata, confusa*); в музыкальной науке категория дискретности реализуется через звуковысотную точность (пара «высокий – низкий», *acutus – gravis*); в обоих случаях дискретность может быть следствием ритмизации звуков. Наделять дискретные звуки значением, превращая их в знаки, могут лишь существа, обладающие *ratio* – способностью к разумному рассуждению, дискурсивному мышлению.

Характеристики звучания инструмента становятся для лексикографов главным объяснением его практического назначения – сигнального или музыкального использования. Так же и звучание человеческого голоса становится источником сведений о наклонностях и характере актора.

Организация дискретных звуков может осуществляться также с целью создания музыки – такая деятельность называется модуляцией. В контексте

унаследованного у Античности учения об этосах музыкальных ладов модулированное музицирование оказывается практическим искусством управления психоэмоциональным состоянием человека, что обуславливает его особенную значимость в контексте богослужебного использования.

Идея музыкальной гармонии, образующейся вследствие правильного сочетания дискретных звуков, служит образцом для понимания всякой гармонии и порядка в целом, и толкование музыкальных терминов с легкостью превращается в словарях в метафорическое описание принципов устройства макрокосма. Терминология и философские принципы, заключенные в этом описании, в сочинении Угуччо Пизанского перекликаются с осмыслением понятия мировой гармонии в сочинениях философов-неоплатоников конца XI – XII вв.

Средневековые представления о звуке, речи и музыке, отраженные в словарях, предстают перед нами как комплексный интеллектуальный конструкт. Этот конструкт не только опирается на популярные грамматические и музыкально-теоретические концепции своего времени, но и сам дополняет и уточняет их. Описанию и оценке звука в словарях не предпослана какая-либо устойчивая классификация акустических параметров. Для конкретизации характеристик лексикографы апеллируют к субъективным ощущениям и повседневному опыту читателя. Даже разъясняя значение музыкальных терминов, авторы ограничивают употребление узкоспециальных понятий, стремясь в первую очередь представить общую логику описания звука – универсальную для музыканта, богослова и, например, знатока права. Представления о звучащей музыке и звучащей речи обнаруживают единство как на описанном музыковедами терминологическом уровне, так и на уровне представлений о сущности звукового акта. Конкретное значение шумов, звуковых сигналов и иных недискретных звуков также во многом определяется контекстом (как, например, зов военного рожка).

В описаниях средневековых интеллектуалов звук предстает в качестве материального посредника, которому разумный актер сообщает определенное

значение различными способами. Это значение он доносит до слушателя, способного декодировать сообщение исходя из конкретных характеристик звука и их значения в системе музыкальной теории, знаковой системе языка или определенной ситуации. Таким образом, из связанных со звуком, речью и музыкой категорий мышления, «семантического инвентаря культуры»⁴⁰ интеллектуалов XI – XIII вв. наибольшее значение имели коммуникативно-выразительные возможности использования звука.

Дальнейшее изучение «звукового аспекта» средневековой интеллектуальной культуры предполагает использование результатов диссертации для изучения широкого проблемного поля. Оценивая результаты проведенного исследования, следует сделать заключение о плодотворности исследовательских методик, предложенных направлением *Sound Studies*, и продолжить изучение данной темы на более широком круге источников. Уместной представляется цитата из классического труда Артура Лавджоя «Великая цепь бытия»: «работа любой данной концепции, эксплицитно или подразумеваемой предпосылки, типа ментальных привычек, специфических тезисов и аргументов, нуждается – дабы в полной мере понять их природу и историческую роль – в системном изучении всех аспектов рефлексивной жизни человека, где такая работа осуществляется, или, по крайней мере, настолько полно, насколько это позволяют возможности историка»⁴¹. Для того, чтобы включить обнаруженные особенности средневековых представлений о звуке, речи и музыке в общую картину мира и механику мышления человека того периода, необходимо расширить источниковую базу, включив в нее учебные, морально-дидактические, историографические и художественные памятники эпохи.

Избранный исследовательский ракурс позволяет глубже понять механизмы формирования и использования звуковых образов и метафор в средневековой интеллектуальной культуре по-новому взглянуть на ряд важных для истории интеллектуальной культуры средневековой Европы тем, среди которых – история

⁴⁰ Ретина Л.П. Указ. соч. С. 31.

⁴¹ Лавджой А. Указ соч. С. 20.

учений о мировой гармонии, история средневековых понятий и терминов, история естественнонаучных представлений, а также лучше представить траектории звукового мышления и воображения, характерные для средневекового человека. Значительный интерес представляет сопоставление принципов музыкального и языкового мышления средневекового интеллектуала с точки зрения использования им звука.

Полученное описание базовых представлений о звуке в дальнейшем может служить отправной точкой для изучения специальных концепций звука, позволяя отделить особенное и уникальное от культурной и интеллектуальной «нормы». Решение данной задачи является важнейшим и необходимым условием интеграции результатов исследований музыковедов, лингвистов, историков философии музыки в исторический контекст эпохи. Звуки ушедших веков не воскресить, но, возможно, однажды междисциплинарные изыскания в области «микромира слова»⁴² позволят понять, как воспринимал и использовал их человек прошлого.

⁴² Термин, использовавшийся М.М. Бахтиным для указания на историко-семантическую безграничность слова в языке. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М., 1986. С. 324.

Список публикаций по теме диссертации.

I. Научные статьи в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03 – Всеобщая история:

1. *Кульпина А.В.* Между ремеслом и философией: музыка глазами средневекового интеллектуала // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 10 (74). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002517-7-1> (дата обращения: 01.01.2019). (0,5 а.л.).
2. *Кульпина А.В.* Средневековые авторы об устройстве речевого аппарата // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. – С. 123–130. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-notabene.ru/hr/article_28003.html (дата обращения: 01.01.2019). (0,7 а.л.).
3. *Кульпина А.В.* Деривационный словарь как зеркало культуры Высокого Средневековья // Клио. 2018. № 6. – С. 30–34. (0,6 а.л.).
4. *Кульпина А.В.* Средневековые иллюстрации к «Божественной Комедии»: место действия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 5 (21) [Электронный ресурс] URL: <http://history.jes.su/s207987840000582-9-2> (дата обращения: 01.01.2019) (0,8 а.л.).

II. Иные публикации:

1. *Кульпина А.В.* Деривационные словари и латинская ученость в Италии XI – XIII веков // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Отв. ред. В.В. Петров. 2018. № 4. – С. 269–286. (1,2 а.л.).

2. *Кульпина А.В.* Музыкальные инструменты Библии: средневековое прочтение // Концептуализация музыки в авраамических традициях-2018: коллективная монография / Отв. ред. Г.Б. Шамили. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. – С. 42–57. (0,6 а.л.).
3. *Кульпина А.В.* «Изобретение музыки»: история двух средневековых толкований // История: факты и символы. 2018. № 2 (15). – С. 72–80. (0,8 а.л.)
4. *Кульпина А.В.* Представления о музыкальных инструментах в европейской интеллектуальной традиции Раннего и Высокого Средневековья // Genesis: исторические исследования. 2018. № 5. – С.58–64. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_25948.html (дата обращения: 01.01.2019). (0,6 а.л.).
5. *Kulpina A.V.* Noises, voices, signs: lexicological approach to medieval sound studies // From Glosses to Dictionaries. 9th International Conference on Historical Lexicology and Lexicography, International Society on Historical Lexicology and Lexicography (Book of Abstracts). Genova: Università degli Studi di Genova, 2018. – P. 39–40. (0,05 а.л.).